

Война в повести Юрия Германа «Операция «С новым годом!» и в фильме Алексея Германа «Проверка на дорогах»

Е.И. Сибирцева

Статья посвящена анализу фильма А.Ю. Германа «Проверка на дорогах» как экранизации повести Ю.П. Германа «Операция «С новым годом!». В статье рассматриваются особенности перевода с языка литературы на язык кино. По мнению автора статьи, благодаря этим особенностям тема войны раскрывается в фильме несколько иначе, чем в литературном тексте первоисточника.

АННОТАЦИЯ
УДК 778.5.04.072.094

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

А.Ю. Герман,
Ю.П. Герман,
экранизация,
«Проверка на
дорогах»,
«Операция
«С новым годом!»

Повесть Юрия Германа «Операция «С новым годом!» была написана в 1964 году. Она именуется документальной и по воле писателя не включена ни в один сборник и ни в одно собрание его сочинений.

Экранизатор повести и сын автора режиссер Алексей Герман во всех интервью говорит о том, что отец не любил «Операцию «С Новым годом» и даже отговаривал его от постановки. Александр Липков в качестве причины нелюбви приводит такие слова Алексея Германа: «Уже написав ее, он выяснил, что сведения, которыми пользовался в момент работы, были неполны. Он не знал про одного из самых главных исполнителей операции. Это был Владимир Иванович Никифоров, Герой Советского Союза, необыкновенного достоинства, скромности, мужества, благородства человек с трудной судьбой»¹.

В годы войны Никифорова забрасывали во власовские части, где он вел среди бывших советских людей опасную работу — уговаривал их перейти на сторону родины, обещая жизнь и прощение. Возвращаясь с ним, они получали оружие, вливались в наши части. Трагедия заключалась в том, что уже после войны данные во время войны обещания советская власть выполнять отказалась (несмотря на ордена и медали героев, которые свое прошлое искупили подвигами) — и сам Никифоров, герой Советского Союза, оказался в одном из лагерей ГУЛАГа.

¹ Александр Липков. Герман, сын Германа — Союз кинематографистов СССР, Всесоюзное творческо-производственное объединение «Киноцентр». — М., 1988. С. 81–83.

В фильме «Германология» (документальный, 2008, режиссер и герой — Алексей Герман) режиссер говорит о том, что повесть была написана по рассказам Никифорова. Сын замечает, что отец гордился не очень хорошей повестью, тем, что он затронул эту тему и в «Политиздате» ее напечатали.

Имеет смысл заметить, что сам факт впервые сказанного слова на тему военнопленных в данном случае неотделим от литературных качеств повести, является ее важным достоинством.

В интервью 1979 года режиссер сформулировал принципиальную особенность памяти о войне — «Время, удаляясь от военного, диктует нам меру реализма, диктует все более совестливое и неприукрашенное отношение к всенародному подвигу и к каждой человеческой жизни на войне. Как замечательно сказал Константин Симонов: «Войну не перевоюешь, а стало быть, надо говорить о ней правду». О ней не скажешь лучше. О ней нет причины говорить иначе. Дай бог сказать *свое* слово правды»².

Повести Юрия Германа «Операция «С новым годом» сложно дать оценку с этой точки зрения. С одной стороны, она написана в русле общепринятых традиций изображения Великой Отечественной войны, ее пафосной героики, но, тем не менее, в ней содержатся намеки на «более совестливое и неприукрашенное отношение к всенародному подвигу», которые и были развиты в экранизации.

Тема доверия в повести и в фильме

Сюжет повести: 1943–1944 гг, Псковская область. Отряды партизан под руководством старшего лейтенанта госбезопасности Ивана Егоровича Локоткова успешно воюют с фашистскими захватчиками. Так успешно, что фашистское руководство области уверено, что Локотков — генерал. В отряд Локоткова из плена со 160 примкнувшими к нему является лейтенант Александр Лазарев, который утверждает, что попал в плен случайно (взяли во сне), и жаждет искупить пленение подвигом. Локотков на свой страх и риск доверяет Лазареву операцию кражи начальника нацистской школы по подготовке разведчиков, забрасываемых в СССР на длительный срок. Лазарев блестяще выполняет эту «операцию «С новым годом», но в финале его убивает шальная пуля.

² Герман А. Правда — не сходство, а открытие // Искусство кино, № 2, 1979. С. 82.

«Проверка на дорогах», реж. А. Герман, кадр из фильма, в эпизодической роли — Майя Булгакова

«Проверка на дорогах», реж. А. Герман, кадр из фильма, в эпизодической роли — Майя Булгакова

³ Юрий Герман. Операция «С новым годом!»// URL.: <http://lib.ru/PROZA/GERMAN/opsng.txt> (дата обращения — 21.06.2012)

⁴ Там же.

⁵ Лев Толстой. Война и мир// URL.: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0040.shtml (дата обращения — 21.06.2012)

⁶ Юрий Герман. Операция «С новым годом!»// URL.: <http://lib.ru/PROZA/GERMAN/opsng.txt> (дата обращения — 21.06.2012)

⁷ К. Щербаков, Долгое дыхание. О фильме «Проверка на дорогах» // Уральский рабочий. — Свердловск, 8 мая 1986.

⁸ Юрий Герман. Операция «С новым годом!»// URL.: <http://lib.ru/PROZA/GERMAN/opsng.txt> (дата обращения — 21.06.2012)

Центральный образ повести — фигура старшего лейтенанта госбезопасности Ивана Егоровича Локоткова. Он говорит сбежавшему из плена и жаждущему служить отечеству Лазареву: «И пока я не разберусь согласно моей совести, мы с тобой закуривать не станем»³.

Ключевое для Локоткова выражение — согласно совести или же характеру, который обозначается в

начале повести так: «Даже в те молодые годы делать не то, что спрашивают, а что сердце и ум велят. И делать, несмотря ни на какие личные затруднения»⁴.

Литературным прототипом Локоткова можно назвать капитана Тушина из «Войны и мира» Толстого. Писатель акцентирует читательское внимание на негероичности образа Тушина: «Маленький, грязный, худой артиллерийский офицер без сапог, в одних чулках». Автор показывает его глазами князя Андрея, который «еще раз взглянул на фигурку артиллериста. В ней было что-то особенное, совершенно не военное, несколько комическое, но чрезвычайно привлекательное»⁵.

С виду неказистые, простые русские солдаты, Локотков и Тушин, наделены особым качеством — смирением. Не путать с робостью перед начальством. «О себе, или о своем авторитете, или о том, что данное мнение есть его личное мнение, Локотков никогда не размышлял, а думал лишь о деле, которое ему было поручено выполнять, в том смысле, чтобы дело это двигалось возможно более споро, толково, полезно и, главное, по-умному»⁶.

«Покоряет какая-то застенчивая негромкость, естественная каждодневность его героизма, который не есть способ самоутверждения или доказательства кому-то чего-то, а есть единственный способ существования в тех обстоятельствах, в каких оказался Иван Егорович Локотков»⁷.

Центральная тема, напрямую связанная с этим образом, своеобразный нерв повести — тема доверия человеку.

Любимое выражение Локоткова — «друг-товарищ», но в партизанский отряд регулярно с Большой земли наведываются большие начальники. «И Локотков опять, в который уже раз за эти месяцы, выслушал лекцию о пользе бдительности и о том, что ведет за собой потеря таковой»⁸. Локотков по-настоящему болеет за дело и без обид сносит упреки в свой адрес за маленькое количество врагов народа среди партизан своего отряда; переживает

«Проверка на дорогах», реж. А. Герман, кадр из фильма, Владимир Заманский (в роли Лазарева) и Анатолий Солоницын (в роли Петушкова)

он исключительно за то, что каждый начальник «страшные вещи творит одним только своим мировидением, одним только своим постоянным неверием и недоверием...»⁹.

Недоверие в СССР изображено, например, в двух эпизодах, не относящихся к главной сюжетной линии. Бывший начальник Локоткова, арестованный перед самой войной, а после освобожденный, рассказывает ему о

том, что «были моменты, когда мне и самому казалось, что я враг Советской власти. ... Убедительный у меня был следователь»¹⁰.

Один из самых острых моментов повести — это случай с попыткой самоубийства Лазарева. Разозленный на Локоткова за неподчинение подполковник Петушков называет Лазарева предателем, отправляет его в тюрьму, где тот теряет самообладание и надежду на прощение и пытается повеситься. Локотков в связи с этим вспоминает, как у него на руках погиб товарищ, летчик Хайруллин. «Самолет ему почему-то не доверили, было нечто за ним записано такое, что давило его, как петля, и, дабы эту петлю сбросить, он с дужиной своих дружков внезапно кинулся на немецкий разъезд с ножами. ... Все это дело было совершеннейшим самоубийством, но, когда умирающему у него на руках Хайрулину Локотков это сказал, тот ответил:

- Пусть знает, сволочь, какой я пятьдесят восемь-десять.
- Кто? — спросил Иван Егорович. — Кто должен знать?
- Кто? Следователь мой...»¹¹.

В фильме тема доверия является центральной, для этого введен отсутствующий в книге эпизод, изменены характеры и некоторые сюжетные линии. Можно говорить о небуквальном переводе на экран — и ниже мы проанализируем средства киноязыка, то есть те экранные эквиваленты, которые авторы сочли приемлемыми для передачи полноты смысла литературного первоисточника, учитывая особенности кинематографа.

Но следует отметить и другие причины сюжетных изменений при переносе повести на экран.

В связи с этим обратимся к книжным образам сбежавшего из плена «предателя» Лазарева и майора, а потом и подполковника Петушкова.

Лазарев — один из первых героев советской послевоенной литературы, который говорит о несовпадении официальных представлений о войне и ее реальности. «Я себе войну с маль-

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

чищества представлял, как в кино. Непременно-де в ней красота, храбрость, удаль, и конники летят лавой с саблями наголо. А вышло так, что заболел я животом, ослабел, заснул и попал в плен».

Во всем остальном он выписан как положительный герой общепринятой традиционной, даже агитационной по духу литературы о войне.

Младший лейтенант Лазарев приходит к партизанам не один, приводит 160 человек (!) пленных. «Прежде всего, вы мне должны поверить, — твердо произнес Лазарев. — Если вы мне не поверите...». О своем пленении он говорит — «как со Швейком, хуже быть не может». Сначала он и впрямь кажется Локоткову дерзким авантюристом, но выясняется, что он веселый и по-настоящему страстный человек, удивительно жизнелюбивый и честный. Мастер на все руки — и столяр, и плотник, и поет как тенор из Большого театра. Все выходит у него ловко. «Одна была неудача — в плен попал, больше не будет».

Петушков же наоборот — отрицательный герой официальной литературы. Трус и карьерист, «бабушкин внук».

«Здесь для ясности всего хода нашего повествования непременно надлежит отметить, что время, о котором идет речь, было тяжелым не только в смысле жестокой и страшной войны с небывалым во всей истории человечества протяжением фронтов — от Баренцева до Черного моря, но еще и потому, что годы культа личности Сталина, с его подозрительностью к людям, породили особый и, к несчастью, распространенный характер службиста, словно бы не замечающего огромного и животворящего духовного подъема нашей воюющей страны, службиста

отупелой души, такого, который даже в самом прекрасном и высоком подозревал лишь низменное и ничтожное, такое, которое следовало брать на подозрение, страшать и карать. К этой породе подозрительных службистов относился и подполковник Петушков, стремительно возвышающийся в званиях. Красивенький, с вьющимися волосами и тонким овалом лица, на котором всегда алел здоровый и

крепкий румянец хорошо питающегося и соблюдающего должный физический режим пресловутого гармонического человека, каким несомненно мнил себя недруг Ивана Егоровича и его, как говорится, полный антипод — Петушков»¹².

«Проверка на дорогах», реж. А. Герман, кадр из фильма, Анатолий Солоницын (в роли Петушкова)

У Петушкова «угодливая совесть», «хвалил он за нестоящие пустяки, а бранил за настоящую работу», во время боя на его лице можно было заметить только лишь «выражение спокой-

«Проверка на дорогах», реж. А. Герман, кадр из фильма, Ролан Быков (в роли Локоткова)

ного, злобного азарта и закушенную губу»¹³. Партизаны уверены, что перед боем Петушков распрямляет свои белокурые кудри плойкой!

В одного персонажа вмещается столько пародийно-отрицательных качеств, кажется, в нем нет ни одной человеческой черты. Изображенное под фамилией Петушков больше похоже не на человека, а на явление петушковщины. «Один больше ею начинен, этой петушковщиной,

другой меньше, но все едино — петушковщина, от которой уже и дышать вовсе невозможно. Сделайте рентген такой, просмотрите насквозь, ведь и мы люди, дайте нам полностью оправдать...»¹⁴.

Категоричные положительность и отрицательность героев ставят под сомнение правдивость, умаляют подлинную трагичность проблемы доверия в повести.

В рассказе о судьбе предателя Лашкова-Гурьянова Герман замечает, что молодой лейтенант СС относился к нему с брезгливостью — предатель и есть предатель. И с этим трудно поспорить. В партизанском же лагере нет ничего подобного. Партизаны принимают Лазарева практически безоговорочно и сразу же. Он становится центром внимания благодаря своему голосу. Кажется, все признательны ему за пение и те редкие минуты забытья, которые случаются во время его концертов. На Лазарева нападает только один рыжий партизан, у которого немцы спалили всю семью «и который не мог вдаваться ни в какие биографии». Переводчица Инга с первого взгляда на Лазарева верит ему безоговорочно, и «не верить не может», Локотков хоть

и не пускает в бой, но ведет себя с ним очень благожелательно. Жалоба Лазарева на то, что он «как в книжке прокаженный со звонком ходил: идет прокаженный. Так и я — был в плену...» выглядит на этом явно идеализированном фоне неубедительно. Фильм «Проверка на дорогах» наводит на мысль, что экран высветил в тексте подобные противоречия и двусмысленности.

«Проверка на дорогах», реж. А. Герман, кадр из фильма.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

Особенности экранизации: экран «высвечивает» текст

Алексей Герман стремился во всем добиться документальной точности. Работу над фильмом он начал с отмотра хроники в Госфильмофонде. В его группе тщательно готовили материал по каждому эпизоду фильма, выклеивали огромные щиты фотографий, с которыми сверяли каждого актера на любую самую маленькую роль.

«Мы смотрели все, что можно было посмотреть про партизан. Много в тех лентах, где использовался этот материал, не показывалось. Например, то, что партизаны частично были одеты в немецкое обмундирование. «Поступаем на иждивение к Гитлеру», — была такая распространенная партизанская шутка»¹⁵.

Такие подробности еще довольно долго будут клеймиться властью и обществом как «дегероизация событий ВОВ». Судьба романов и повестей В. Быкова, В. Некрасова, В. Гроссмана и других (как и судьба фильма «Проверка на дорогах»), на долгое время запрещенных писателей, — лучшее тому доказательство.

В повести «Операция «С новым годом!» речь идет все-таки не о противоречиях и двусмысленностях, а о недоговоренностях.

Среди идилических зарисовок быта партизан в повести есть, например, такая, короткая и пронзительная: «Разведчица заснула быстро и во сне сразу заплакала». Точно и безжалостно она высвечивает на все, описанное в повести. Внимательный читатель вдруг кожей ощущает тяжесть монотонных будней войны, ежедневное испытание людей болью и страхом.

Тех, кто отважился говорить о человеческих чувствах участников войны, обвиняли в «абстрактном гуманизме».

Это может быть и некрасивая, но от того вовсе не «негероическая» сторона войны и ее будней. Именно эта сторона войны становится предметом исследования и внимания авторов фильма.

Показательный пример — названия повести и фильма. Героико-приключенческое «Операция «С новым годом» заменено на будничное «Проверка на дорогах».

Пролог фильма — несколько эпизодов, объединенных темой рутины войны. Под осенним дождем мужики с лицами, стертymi голодной тоской, раскапывают бурты с картофелем, а деловитые немецкие солдаты поливают картофель ядовитой жидкостью, чтобы нельзя было есть. Другие немецкие солдаты загоняют скот

¹⁵ Линков А. Герман, сын Германа. — М.: Союз кинематографистов СССР, Всесоюзное творческо-производственное объединение «Киноцентр», 1988. С. 88.

«Проверка на дорогах», реж. А. Герман, кадр из фильма, Олег Борисов (в роли Соломина) и Владимир Заманский (в роли Лазарева)

в вагоны эшелона с продовольствием, который отправится в Германию. Под дождем еще двое немцев педантично помечают вагоны мелом и в специальном реестре.

Рутинная война заполняет пространство фильма в эпизодах, не имеющих прямого отношения к главному действию.

Тема доверия совершенно иначе начинает «играть» на фоне появившегося в фильме быта партизан, описанного в повести с пафосом.

Отчаявшаяся и уставшая от голода безымянная героиня Майи Булгаковой плачет и угрожает Локоткову сдать его и всех партизан карателям, и все же в последний момент уходит с детьми вслед за партизанами. Перед уходом она прикрывает ставни своего дома. Холодный зимний ветер растворяет их, и их скрип погружает зрителя в невербализируемую атмосферу происходящего, которая одно с упомянутой фразой из повести Германа («Разведчица заснула быстро и во сне сразу заплакала»).

Партизаны укрываются в лесу, и для того, чтобы объяснить зрителю, как это тяжело — идти к укрытию по зимнему лесу, — режиссеру Герману достаточно показать спящего на ходу партизана Соломина.

Суровый быт людей наваливается на зрителя монотонностью не только смыслов, но и соответствующим ритмом монтажа.

«Мой отец, писатель Юрий Герман, который очень любил кино и много работал в нем как сценарист, рассказывал мне, что когда он собирал материал для книжки о военных врачах «Дорогой мой человек», по которой потом Иосиф Хейфиц снял фильм, живые герои, прообразы книги и фильма, просили, чтобы он по-

казал их получше, покрасивее, с героической стороны. Эти славные люди не понимали свою истинную цену. Они полагали, что необходимо что-то додумывать, улучшать, фантазировать, чтобы они стали прекрасны. А ведь они смогли «выстоять, когда и выстоять нельзя». Но они считали этот свой подвиг будничной работой, а не героизмом, полагали, что они недостаточно красивы и значительны для экрана»¹⁶.

В начальных титрах фильма говорится о том, что он снят по мотивам военной прозы Юрия Германа. Изменения сюжета повести отчасти связаны с особенностями перевода из одной эстетики в другую (с заменой средств передачи, но сохранением смысла

¹⁶ Герман А. Правда — не сходство, а открытие // Искусство кино, № 2, 1979. С. 91.

«Проверка на дорогах», реж. А. Герман, кадр из фильма, Олег Борисов (в роли Соломина)

«Проверка на дорогах», реж. А. Герман, кадр из фильма, Анатолий Соловницын (в роли Петушкова) и Ролан Быков (в роли Локоткова)

¹⁷ Юрий Герман. Операция «С новым годом!»// URL.: <http://lib.ru/PROZA/GERMAN/opsng.txt> (дата обращения — 21.06.2012)

«Проверка на дорогах», реж. А. Герман, кадр из фильма.

первоисточника: проблема доверия и образ Локоткова), но отчасти и с тем, что авторам фильма претит героическая и местами агитационно-плакатная стилистика повести.

В связи с этим происходит смещение акцентов в теме — в том числе благодаря разному характеру представления быта партизан.

Для сравнения возьмем изображение концерта самодеятельности в повести и сцену отдыха партизан из фильма.

Обращает на себя внимание описание пения Лазарева: «... Рвали его песни душу, слышались в них и горькое горе, и такая отчаянная лихость и дерзость, и такая вдруг радость, что бойцы, развалившиеся на росистом лугу, даже «ура» вдруг закричали...». Лазарева не только бесконечно вызывают на «бис», но и приносят коробку немецкого сгущенного молока, «чтобы тот не надтрудил свое драгоценное «соловьиное» горло»¹⁷.

Такие детали неприемлемы для фильма Германа, который во всей полноте, с первых кадров представляет голодную ежедневность партизан, в которой ценой за коробку с несколькими банками сардин является жизнь одного из бойцов.

Сцена отдыха партизан в фильме представляет собой два довольно длинных (каждый — 18 сек.) кадра: общий план собравшихся возле костра отдыхающих; кто-то просто слушает незатейливую, но популярную во время войны «Девчоночку Надю», которую исполняет гармонист, пары танцуют в желании согреться еще сильнее, чем это возможно у костра. С этим общим планом в стык монтируется крупный план гармониста.

Портрет гармониста обращает на себя внимание тем, как он снят, поставлен, а точнее «не поставлен» — кадр оставляет

зрителя ощущение документальной съемки. Знакомая мелодия, которую исполняет гармонист, уходит на второй план, центр притяжения — его глаза, живые, страдающие и сострадающие, обращенные одновременно в себя и вовне... Он как будто одновременно и страдает, и надеется. Повторим: дело не только в удачном выборе актера, но и в применении документального метода наблюдения.

Длительность и статичность кадра заставляют зрителя проникнуться переживаниями этого фонового персонажа. Средний план создает между зрителем и героем дистанцию, позволяющую прозреть в переживаниях гармониста нечто, имеющее отношение и к другим героям фильма, и ко всем участникам войны.

Смысл объемности переживаний при прослушивании пения Лазарева/ игры гармониста имеется и в повести, и в фильме, а значит перед нами еще один пример разницы средств литературы и кинематографа, и пример возможности адекватного перевода из одной системы в другую.

Образ главного героя в повести и в фильме

Лазарев в повести и Лазарев на экране — это два разных персонажа. Лазарев из фильма — закрытый, подавленный человек. Он не приводит с собой к партизанам 160 человек, не приносит зарисовки мест, в которых был. Несмотря на это его подвиг ощущается как более значительный, по сравнению с подвигом книжного Лазарева.

Свой плен он не называет ошибкой, здесь другое слово — «Сломался, жить хотелось... Имеет человек право один раз начать сначала? Если с первого раза жизнь осечку дала...»¹⁹.

В повести и в фильме звучит мысль о том, что плен не всегда осознанный выбор попавшего туда, но в связи с переменой акцентов в образе эта мысль приобретает иной оттенок.

«Человек, стремящийся любой ценой избежать физической смерти, обнаруживает, что его стремление выжить во что бы то ни стало приводит его на грань гибели духовной — и она оказывается во сто крат ужаснее. Такой страшной ценой Лазарев открывает в себе личностное начало, о котором не подозревал ранее. И становится ясно, что только сам герой, и никто более, сможет решить, как жить ему теперь с собственным открытием. Вот эту муку личностного самосознания не играет даже, но просто приносит с собой в фильм Владимир Заманский»²⁰.

В фильме Лазарев признается — «Про себя думал: я сильный, а вышло — наоборот. В лагере только и понял...» — это снимает его безусловную книжную положительность и придает его подвигу иную глубину драматизма. Ведь в финале фильма Лазарев преодолевает себя и принимает по-настоящему бесспорное решение — выполнить обещанное, но погибнуть.

Партизаны в фильме относятся к Лазареву с нескрываемой ненавистью и презрением. Он не певец и не возлюбленный переводчицы Инги. Ему в пору рассуждать о клейме прокаженного

¹⁹ Цитируется по фильму А.Ю. Германа «Проверка на дорогах». — Прим. авт.

²⁰ Евгений Марголит. Проверка на дорогах// URL.: <http://www.russkoe kino.ru/books/ruskino/ruskino-0091.shtml> (дата обращения — 21.06.2012).

«Проверка на дорогах», реж. А. Герман, кадр из фильма

²¹ Там же.

²² Юрий Герман. Операция «С новым годом!» // URL.: <http://lib.ru/PROZA/GERMAN/opsng.txt> (дата обращения — 21.06.2012).

(как делает Лазарев из повести), но он молчит.

Истерично рассуждает обо всем подряд другой пленный в исполнении Николая Бурляева. «Вот кто поистине исчерпывается своим инстинктом выживания, вытеснившим в нем все человеческое настолько, что даже пластика роли оказывается уже не столько человеческой, сколько заячьей.

Юный двойник-антипод — это воплощенный кошмар, преследующий Лазарева в кульминационных точках сюжета. И когда в финальной сцене Лазарев «пришивает» подонка-мальчишку к земле очередью из пулемета, это выглядит как приговор Лазарева и собственному прошлому»²¹.

Фигуры такого двойника нет в повести, но, кажется, она вырастает из такой характеристики книжных предателей: «Его холуйское сердце всегда сладко сжималось, когда чудилась мощь».

Эпизод попытки самоубийства в повести заканчивается так: «Когда усохший лицом за этот день Саша был приведен, они впервые вместе закурили, Иван Егорович угостил Лазарева из своего кисета. Разговор двух мужчин слегка коснулся погоды, дождей и предполагаемой вслед за осенью зимы. О несправедливости старшего начальника они не беседовали, ибо оба были военно-служащими и знали, что к чему и что «этично», а что «неэтично»²².

В фильме после произошедшего с Лазаревым случается приступ рыданий такой силы, что вызывает у Локоткова и зрителей подлинное сочувствие. В этот момент Лазареву действительно нельзя не верить. С этой сцены, где Лазарев, кажется, совершенно падает духом, начинается его обновление.

Особенности экранизации: удачи перевода из вербального в визуальное

Такое свойство экрана как зримость изображаемого обеспечило фильму качественно иное по сравнению с повестью развитие темы доверия.

Проверка на дороге в фильме заканчивается трагедией — на втором ее этапе, после того, как Ерофеич и Соломин убедились в надежности Лазарева, партизан Соломин погибает. Это дает пищу для подозрений майору Петушкову.

«Речь идет о столкновении двух точек зрения на оступившего человека. Комиссар отряда требует самого сурового возмездия, мудрый командир настаивает на необходимости поверить

человеку. Конечно, именно его подлинно народная точка зрения в конце концов и восторжествует: оступившийся ценой жизни искупает свою вину, а подвиг его решает успешный исход рискованной операции»²³.

«Проверка на дорогах», реж. А. Герман, финальный кадр фильма

В этом торжестве играет важную роль и сама фигура Петушкова, и эпизод допроса Ерофеича.

У Петушкова в фильме, как у рыжего партизана из повести, уже погибли на войне сын и жена, он «фашистов мертвым убивать будет». Локотков относится к майору с пониманием, но действовать продолжает по своей совести. После эпизода допроса Ерофеича, зритель окончательно встает

на сторону Локоткова, в том числе благодаря тому, что именно зритель, единственный, кроме Лазарева, кто может подтвердить то, что в Соломина стрелял недобитый немец, а не он.

Локотков в повести и на экране — еще один показательный пример для понимания разницы средств литературы и кинематографа.

Благодаря осознанию этой разницы, авторам фильма удастся осуществить небуквальный перевод из вербального в визуальное, единственно позволяющий передать смыслы книги на киноязыке.

Обратим внимание на то, что эпилог в фильме — это история о Локоткове, рассказанная в повести в самом начале.

«И на этот раз Локотков в звании повышен не был и к ордену его представить забыли. Не с руки было. Забегая вперед, впрочем, отметим, что, повстречав в конце войны одного полковника, которого Локотков выводил из окружения младшим лейтенантом, выслушал он удивленное соболезнование, что-де как же это так, все Локотков в капитанах, и ответил с усмешкой:

— Локотков-то в капитанах, да наша артиллерия по Берлину бьет. Я на это вполне согласен.

— Напишу про тебя! — обещал полковник. — Главнокомандующему лично напишу. Вот возьму и напишу. Как ты нас в октябре вывел. Подробно опишу...

— А мне и в капитанах не дуэт, — со своей обычной усмешкой ответил Локотков. — Так что уж вы не трудитесь, товарищ полковник»²⁴.

В фильме эпизод имеет одну деталь: встреча подполковника и Локоткова проходит рядом со сломанной машиной, которую Локотков пытается починить. После того, как подполковник уез-

²³ Евгений Марголит. Проверка на дорогах // URL: <http://www.russkoe kino.ru/books/ruskino/ruskino-0091.shtml> (дата обращения — 21.06.2012).

²⁴ Юрий Герман. Операция «С новым годом!» // URL: <http://lib.ru/PROZA/GERMAN/opsng.txt> (дата обращения — 21.06.2012).

жает, он просит незнакомых солдат помочь подтолкнуть машину. «Давай, родненькие!», — это последние слова фильма.

Вся первая глава повести посвящена Локоткову. Читатель узнает о его характере, о его вере в людей, о проблемах с начальством, связанных с честностью и с отказом подозревать окружающих. Немцы считают, что Локотков генерал, но в партизанском отряде бытуют другие мифы о «дерзости Локоткова», о его умно и точно продуманных операциях по борьбе с врагом. И операция «С новым годом!» — одна из многих. Об этом финал повести: «Уснул Иван Егорович здесь же, сидя у стола, а проснулся потому, что немцы еще подкинули подкреплений и вновь надо было идти воевать».

Локотков в исполнении Ролана Быкова подчеркнуто невоенный человек, домашний. Парит ноги (радикулит!) при первой возможности, травит байки про Гитлера. На войну ходит как на работу.

Он строго и внимательно слушает Лазарева, не выказывая никакого особого к нему расположения. Отношения Лазарева и Локоткова в фильме напряженнее, чем в книге.

В фильме найден блестящий эквивалент внутренним монологом Локоткова в повести о важности доверия.

После допроса Ерофеича и ссоры Петушкова с Локотковым по поводу благонадежности Лазарева, Локотков вспоминает эпизод из прошлого. Партизаны заминировали железнодорожный мост, по которому должен пройти фашистский эшелон с оружием. И вот эшелон несется через мост, пришло время давать команду о взрыве, но Локотков медлит: под мостом идет баржа с пленными красноармейцами, ценой их жизнью будет оплачен отнятый у врага эшелон. Иван Егорович пропускает баржу и только после этого, когда мост уже пуст, нажимает кнопку. Комиссар Петушков в ярости: для него каждый, кто оказался в плену, предатель, жалеть его нечего. Но Локотков уверен в своей правоте: на барже — наши люди.

Эта сцена проясняет сложность положения Локоткова на войне, проясняет смыслы всей первой главы повести, подготавливает объем и глубину финала фильма. Крупные планы Локоткова, смонтированные встык с крупными планами лиц пленных, лучше любых слов дают почувствовать масштаб ощущения личной ответственности Локоткова за людей, окружающих его на войне. Знакомые и незнакомые, все они для него — родненькие.

Эпилог повести придает рядовой, казалось бы, истории масштаб. Монтажный стык между кадрами гибели Лазарева и победного марша русских солдат по Берлину говорит сам за себя — победа складывалась из вот таких вот неприметных эпизодов.

* * *

Подытоживая вышесказанное, с уверенностью можно сказать, что повесть написана в одной литературной традиции, а экранизация снята в другой.

На месте титра «По мотивам военной прозы Юрия Германа» с полным правом мог бы стоять другой: «По мотивам прозы журнала „Новый мир“ 60-х годов».

В советской культуре существовали две концепции победы. Официальная, в которой преобладает агитационная риторика и стилистика (в ее русле написана повесть). И другая, представленная в литературе вышеупомянутыми долгое время запрещенными книгами Виктора Некрасова, Василия Гроссмана и т.д. «та, где военной машине и солдату, как ее винтику, противопоставлен отдельный человек в своей человеческой полноте. ... Сформулировал эту концепцию еще в годы войны Александр Довженко, заметив в записной книжке: «А народ, весь, в целом, надо поставить над войной. Чтобы он в картине был крупнее войны...»²⁵.

У «Проверки на дорогах» «от «Нового мира» — уважение к документальному факту, основанное на истовой вере в то, что подлинная история всегда выше, благороднее, гуманнее самого возвышенного мифа»²⁶, — замечает Евгений Марголит.

И несмотря на то, что в повести представления о мифе явно перевешивают уважение к документальному факту, нельзя еще раз не подчеркнуть факт того, что отец и сын Германы в разные годы в литературе и в кино одними из первых заговорили о войне иначе, чем было принято говорить о войне в нашей стране. ■

²⁵ Евгений Марголит. Проверка на дорогах// URL.: <http://www.russkoekino.ru/books/ruskino/ruskino-0091.shtml> (дата обращения — 21.06.2012).

²⁶ Там же.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Александр Липков. Герман, сын Германа. — М.: Союз кинематографистов СССР, 1988.
2. Герман: Интервью. Эссе. Сценарий. Книга А. Долина. — М.: Новое литературное обозрение, 2011.
3. Валерий Мильдон. Другой Лаокоон, Или о границах кино и литературы. Эстетика экранизации. — М.: РОССПЭН, 2007.
4. Г. Э. Лессинг. Лаокоон, или о границах живописи и поэзии. — М.: Гос. издательство худ. литературы, 1957.